АНДРЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

СОЛНЦЕ И ПЕСНЯ

ГОСЛИТИЗДАТ 1936

Андрей Александрович

СОЛНЦЕ
и
ПЕСНЯ

СТИХИ

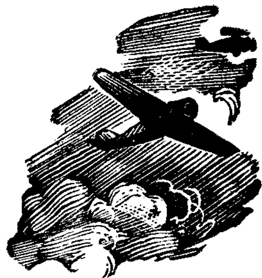
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва 1936

ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО

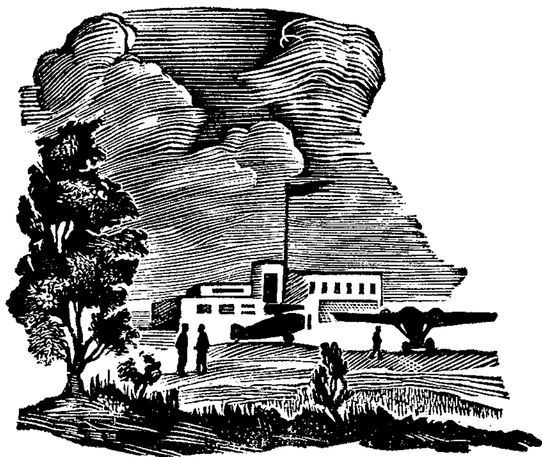
М. Голодного, П. Железнова, М. Исаковского,
О. Колычева, С. Липкина, С. Левмана,
А. Переспенского, М. Светлова,
А. Суркова, А. Тарковского,
А. Штейнберга и
М. Тарловского.

Дзень добры, радзіма! Табе
Я простую песню сваю,
Народжаную ў барацьбе,
Для барацьбы аддаю.

Родина, здравствуй! Тебе
Песню простую свою,
Выкованную в борьбе,
Я для борьбы отдаю.

УТРО РЕСПУБЛИКИ

ПЕСНЯ БОЛЬШЕВИКА

Мне смутно помнится былое —
Оно в глазах, как дальний дым.
Пришел я сквозь раскаты боя
К социализму молодым.
Я не корпел (и не жалею!)
В острожный век лучин и лык...
И счастлив я, и разумею —
Как счастлив тот, кто большевик!

Как тени в сумраке осеннем,
Мелькали дни житья отцов.
Я ж славлю наше поколенье
И нашу вздыбленную кровь.
Плечом к плечу сойдясь теснее,
Ломаю вражий волчий клык...
И счастлив я, и разумею —
Как счастлив тот, кто большевик!

Моя весна! Нигде на свете
Такой весны я не найду!
Гуляют дети. Солнце светит.
Беседу с ними я веду.
И, в хороводе веселея,
Рассыплю звонкий смех и крик...
И счастлив я, и разумею —
Как счастлив тот, кто большевик!

Моя страна, моя ты песня,
Мы вместе рождены с тобой —
И мы с тобой на страже вместе
И на земле, и над землей!
Пусть — ясный день, пусть тучи реют —
Звучит мой стих, и поднят штык!..
И счастлив я, и разумею —
Как счастлив тот, кто большевик!

1935 *(М. Светлов)*

НОЧЬ В РАЗВЕДКЕ

Голосили волны зверем,
Вдаль отбрасывали гул.
Выплыл в небо месяц серый,
Стал с бойцами в караул.

Ночь нависла, как угроза,
Пули падают, как град,
Липа, тополь и береза,
Почернев в дыму, стоят.

По холмам Наполеона
Красных войск пролег окоп.
Вдалеке лежит заслоном
Белорусский Перекоп.

Под Борисовом плененным,
За рекой Березиной,
Мы под знаменем червонным
Собирали силы в бой.

Чуть заря из леса выйдет —
Нанести врагу удар», —
Так решал Орджоникидзе,
Полководец-комиссар.

Ночь росой цветы поила,
Над рекой вставал туман.
Вновь разведка доносила:
«Неизвестен польский план».

Как дозор, дубы-столетки
Не шелохнутся в ряду.
И сказал Серго:
В разведку
Сам, товарищи, пойду».

Гнет деревья ветер злющий,
Шум сосны ложится ниц.
Взлет огня, пальба над пущей,
Как тревожный взлет зарниц.

Путь очистив пулей меткой,
За селом отряд укрыл:
Двадцать верст прошел разведкой,
Двадцать верст зашел он в тыл.

На допрос за третьим — следом
Приведен четвертый пан.
И у них Серго разведал
Про последний панский план.

У заросшего оврага,
Укрываясь в знойный час,
Белорусских сладких ягод
Он отведал в первый раз.

День минул. Ползут саперы,
Мост вознесся над рекой.
Будет бой! И даже зори
Гасят блеск свой золотой.

Знал Серго секрет недаром,
Полк отвел к реке тайком.

Цепь врага прорвал ударом,
Забросал лихим огнем.

И в атаку — на поляков,
На окоп — штыками в лоб.
Наступали, сталью брали
Белорусский Перекоп!

Солнце руки протянуло
Боевым сынам земли.
Поле радостно вздохнуло,
Вербалозы расцвели.

На Варшаву гордым маршем
С песней шли путем побед.
Наш поход, поход бесстрашных.
Нес свободу, счастье, свет.

Дети сел к нам шли навстречу.
Шли навстречу старики.
Опускался тихий вечер
На усталые полки.

1935

(М. Голодный)

СТЕНА БЕССТРАШНЫХ

Над миром высится кремлевская стена,
И трауром она полнеба заслонила...

Из края в край, как гнев, как скорбная струна,
Гремит салют над свежею могилой.
Несут республики последний караул...
От ледяной Невы до Минска и Памира
Идет через Москву великий грозный гул:
«Будь память вечная тебе, товарищ Киров!

У гроба твоего учитель наш склонил
Печальное чело, овеянное славой...

Враг вырвал жизнь твою, но облик, полный
сил,
Не запятнает враг своей рукой кровавой.
Отребья жалкие, они ползут во мгле,
Ползут, как гадины, по щелям и по дырам.
Клянемся, прах врагов рассеем по земле!
Будь память вечная тебе, товарищ Киров!»

Декабрьской стужею окована земля,
В набегах ветровых, в глухих могильных стонах.

Прими бесстрашного, прими, стена Кремля!
О, грузной скорби марш в шагающих колоннах!
О, черный плюш знамен, граненые штыки!
Бушует в жилах кровь, бросая вызов миру,
И крупная слеза легла в венок тоски:
«Будь память вечная тебе, товарищ Киров!»

Над миром высится кремлевская стена,
И трауром она полнеба заслонила.

Из края в край, как гнев, как скорбная струна,
Гремит салют над свежею могилой.

Упал солдат. Тесней, тесней, живой стеной
Сплотимся все под стягом командира.
А час пробьет, дадим смертельный бой!
«Будь память вечная тебе, товарищ Киров!»

1934

(О. Колычев)

СОЛНЦЕ И ПЕСНЯ

Когда восходит солнце,
Тогда певуч восход.
Когда поется песня, —
Отраднее поход.

Когда идем под солнцем
И грозен четкий ход,
Тогда вскипает песня,
Тогда поет народ!

На славу создал солнце
Из кирпичей и руд
И песню —
        за четыре
Бесонных года —
        труд!

1933

(С. Липкин)

СОСНА

1

Вот стройна, как струна,
Сосенка росла
Средь сестер
На высокой горе.
А сегодня она,
Почерневши, легла
На широком
Фабричном дворе.

Загудела пила,
Застонала сосна,
И опилки,
Как слезы, в пыли.
Сосенка росла,
Как струна,
Не одна —
С ней могучие сестры росли.

Росла молодицей,
Вершиною смело
Шумела,
И в стужу-завею,
Бывало, промчится
Вей-ветер
И ветви
Дыханием легким овеет.

И птицы играли
Сосенке
До солнца,
Как будто на гуслях зеленых.
Теперь, как скала,
Каменея, легла
Безмолвьем ветвей обнаженных.

2

Эх, сосеночка-сосна,
Дни суровые...
От бревна и до бревна —
Хата новая!

Край нехоженых болот
Растуманится,
Буйным цветом зацветет,
Зарумянится.

Вековую старину
Горемычную
Мы положим под стену,
Под кирпичную.

Эх, сосеночка-сосна,
Дни суровые...
Два бревна да три бревна —
Хата новая!

3

Чешутся цепкие руки злодеев,
Рвутся сломить нас, да только уж где им!

Корчится месть в их сердцах воспаленных...
Кругом же победно проходят колонны,
Рабочая песня врывается в уши —
И хочешь, не хочешь,
А песню рабочих,
Песню рабочих
Слушай:

Гей же, разом!
Гей же, разом!
Гей же, сразу
Возьмем
Разом.
Вместе, дружно!
— Хлопцы, туже!
Гей, еще!
Еще!
Еще!
Бьется солнце
В краску щек.
Час веселый,
Час рабочий!
Здесь и камень
Захохочет!

Эй, отважно,
Все для нас!

Дай наляжем
Дружно!
... Раз!

4

Эх, сосеночка-сосна,
Дни суровые...
От бревна и до бревна —
Хата новая.
Там где топь и тишина,
Вновь гудят сосновые
За сосенкою сосна,
Чащи новые!

1927

(М. Светлов)

НА ВЕКИ ВЕКОВ

Меня разбудил телефонный звонок...

Заря разливает рябиновый сок,
У стойла в дорогу седлают коня.
Проснулась дорога, тревогой звеня,
От солнечной поступи спелого дня.

Меня у дороги встречают леса...

Я тракторов слышу в полях голоса.
Струятся лучи через тысячи сит,
Попутная чаща, как бархат, бежит,
Разносится в воздухе цокот копыт.

Листом золотым шелестит листопад...

Я еду в колхоз, как товарищ, как брат —
Там праздник сегодня детей и отцов.
Там каждого каждый поздравить готов:
Колхозам земля — на веки веков!

Мелькание мгновений, мельканье берез...
Колхоз уже близок... Ликует колхоз.

1935

(А. Переспенский)

УТРО

Бешеным гневом надвинулась мгла...
Банда злодеев извечных
С громом обрушилась, словно скала,
На городок изувеченный,
Пламя погрома — и часовым
Над пепелищем вздымается дым...
Лютой местью
Через веси

Мчатся вести
Напролом:
«Свобода
И
Погром...
... Гром...»
Эх, хлопчики,
Бейте ворога,
Революция пришла
Любо-дорого!
И вдруг взрыв:
Бум!
Звизз!..
Столб телеграфный повис.
Эй, пташечка,
В даль летящая,
Революция пришла
Настоящая...
Явственный слышится:
Бах!.. Бах!..
Что приближается:
Радость иль страх?
В переполохе
Грохот,
Как град.
Гснится

Конницы
Дружный отряд.

Утро. Еще не рассеялась мгла.
Красная армия в город вошла.

*
**

Рано-рано солнце встало,
Глянуло на город,
Где грозою небывалой
Прогремело горе.

Стало солнце на колени
Там, где буреломы
На рабочие селенья
Раскидали громы.

Над сожженными домами —
Тучи дымовые!
Пережевывало пламя
Стены заводские.

Песнь об этих ураганах,
Сказ о лихолетьи —
В памятниках и курганах
Прочитают дети.

В мир обрушивались беды,
Тлела жизнь в потемках...
Красной армии победы
Не забыть потомкам!

Рано-рано солнце встало,
Озарило город,
Где грозою небывалой
Прогремело горе.

1929

(О. Колычев)

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Я девушку поцеловал сегодня...

Дороги все приветливы, свободны:
Дочь Октября, моя живая песня,
Среди друзей, среди своих ровесниц
Выходишь первою на радостный парад.

Знамена над тобой качает ветер...

Ты празднуешь совершеннолетье!
Ты родилась, когда свинцовый град
Возвел в величье ярость баррикад,
И в колыбель твою не зря упала искра.

Минуешь восемнадцатую осень...

Ты — молодости нашей знаменосец!
И даже солнце оседает низко
С высот просторных, как парашютистка,
Чтоб рядом стать, веселая, с тобою...

Я лучших слов букет тебе собрал
И, как товарища, как друга, как героя —
Тебя, родную, в песнях целовал...

1935

(М. Голодный)

НОВЫЙ МИНСК

1

Цвети, мой город, величаво!
Твои дела и твой размах —
Как песнь, как памятник, как слава
Годам, пронесшимся в боях.

Как слава тем, кто жил недаром,
Кто золотому воронью
Под черным стягом смертной кары
Не предавал весну твою.

Она расцветом сил искрится,
Границ не ведает расцвет.
Весну твою пою, столица,
Я — сын тебе, я — твой поэт.

2

Порой в безмолвии архива
Ищу былое дней твоих.
И предо мною, словно диво,
Встает минувшее пугливо,
Как из могил, из старых книг.

Палач иль князь, иль губернатор,—
Кладу их жизни на ладонь
И проношу у каждой хаты —
Смотрите: кровь и казематы,
И тусклый ладона огонь.

Виденья прошлого, столица,
Седых веков хромая быль —
Пускай за красною границей
Твоим врагам она приснится,
А с ней, как герб, ее костыль.

3

Война по улицам шагала.
Стоял июль. Двадцатый год.
Твоей истории начало,
Зари немеркнущей восход.

Пусть воет волком вражий ветер,
Стоишь ты твердо, наш дозор.
И ты врага сумеешь встретить
И гордый дать ему отпор.

Мы радость подняли над краем,
Хозяева своей судьбы.
А там, на Западе, вздымают
Под стоны голода гробы.

4

Цвети ж, мой город, величаво!
Твои дела и твой размах —
Как песнь, как памятник, как слава
Годам, пронесшимся в боях.

1934

(М. Исаковский)

ПОГРАНИЧНАЯ ВЕСНА

(ОТРЫВКИ)

1. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ЗЕЛЕНОГО ШУМА

Стою в березняке на берегу границы
И слышу гул весенний, затаенный.
Зеленый шум встает из-за кордона
И к нам летит испуганною птицей.
Земля советская росою ключевой
Обрызнет лепестков весенних крылья...

Словами братской дружбы
Меж собой
О судьбах края травы говорили.
Нивы Вильны говорили:
— Ой, весна!
Кровь и слезы полонили!
— Ой, весна!
Ветер поле боронует,
— Ой, весна!
Нищета и смерть панует,
— Ой, весна!
Виснут петли на присадах,
— Ой, весна!
Шаг карательных отрядов,
— Ой, весна!
Весна горячая, свирепая весна,
Дымок тревоги по земле струится.
Вот ведь рукой подать,
А это за границей —
Отравленная кровью целина!

Седого века свищет приговор:
«Кто смеет требовать и хлеба и работы?»
Гуляй, немецкий звон варшавских шпор,
Телами путь мости,
Как гатями болота.

Березки стройные и сосны, и кусты,
Свидетели кровавого разгула,
Шуршат о гнете черной нищеты —
Над гребнем волн
Подземных грозных гулов.

И чует сердце гул подземный,
— Сей огонь!
Поднимайся подъяремный,
— Сей огонь!
По долинам Вислы, Шары
— Сей огонь!
Зреют грозные пожары,
— Сей огонь!
Зреет порох слез и боли,
— Сей огонь!
Воля вызреет в подпольи,
— Сей огонь!

2. ДВЕ БЕЛОРУССИИ

Как батогами иссечено тело,
Покрыто рубцами глубоких ран,—
Исхлестано поле шнурами надела —
От века великим несчастьем крестьян.

Полоски, как прутья решотки тюремной,
Впитали и слезы, и пот кровяной.
Я вижу — на Западе брат подъяремный
Согнулся дугой над мотыкой-сохой.

Стою на границе рассвета и тени.
На Западе тусклая стынет заря.
А рядом просторы в весеннем цветеньи,
Зарницами ранними песни горят.

И только
лишь солнце переступает
Туманами в полночь проложенный мост,
Выходят на поле и песнь запевают,
И песня сливается с шумом берез:
Пламенеет солнце, молодое солнце,
Гей, да гей!

Гонит ветер тучи, гонит волоконца,
Гей, да гей!

Засеваем поле, поле боронуем,
Гей, да гей!

Запеваем песню, песню полевую,
Гей, да гей!

Чтобы колоситься житу и пшенице,
Гей, да гей!

Принесет работа радость обмолота,
Гей, да гей!

Даст земля народу и зерна, и меду,
Гей!

Весна молодая безудержно мчится.
А там...
Даже ветер в испуге притих.
Сегодня страну разделяет граница,
Два мира, — и жизнь несравнима у них.

1932

(А. Сурков)

КРИК ГОЛОДНЫХ РИКШ

То ли пронесется
Шелест ветерка,
То ль волной плеснется
Желтая река, —
Каждое мгновенье
На-чеку стрелок.
Пальцы в нетерпеньи
Щупают курок.

Чжа О-лин собрался
На жестокий бой,
Чжа О-лин сражался
За советский строй.
Собирал умело
Красных партизан:
Речь его шумела,
Словно гаолян.

В паутине улиц
Замирает крик,
Крик голодных кули,
Крик голодных рикш.
Холят, убирают
Хлеб и рис, и чай, —
А сами умирают,
Голоден Китай.
Даль... Тревожны звуки...
Сердце на-чеку.
Чжа О-лина руки
Тянутся к курку.
Волны пусть грохочут,
Стонет целина, —
За Китай рабочий
Объявлена война!

1928 *(О. Колычев)*

ГОЛОДНОЕ УТРО

Тьма кровью сочилась, светлело вокруг,
Луна закатилась в свой сумрачный люк.
Объяты зарницы тревогой огня —
Немые предтечи кровавого дня.
И на сердце горечь легла тяжело,
И в город голодное утро вошло.

А утро голодное — значит война,
Чтоб высосать кровь у рабочих до дна.

Налеты фашистов — как чад, как чума!
Нет хлеба, нет хаты, тюрьма да сума.
Отчаянье, горе стеною встают —
И трупы голодных по Рейну плывут.

На гору взобралась работница-мать,
Проклятьями стала зарю заклинать:
«Сын с голоду помер. Расстрелян мой муж.
Кому всходишь, солнце? Скажи мне, кому?
Расплатой легла ей на груди земля,
Надгробьем на дереве виснет петля.

Голодное утро. Седой горизонт.
Малыш продает из-под куртки «Rot Front».
Он имя — «Ленин» узнал, и тайком
На стенке кирпичной выводит мелком.
Неровные буквы, как молний излом,
Как гром коммунизма, ликующий гром!

1935

(С. Липкин)

ПЕСНЯ

В новых дорогах распахнуты дали,
Новою песней поля зазвучали.
А дни табунились, как кони, игривы,
Расчесывал ветер закатные гривы...

Ты соколом вылетела из трущобы,
Из душной трущобы безумья и злобы.

И нас озаряешь лучами весны,
Чудесная песня чудесной страны.

1929

(О. Колычев)

ТОВАРИЩ-СЫН

Сыну-товарищу — ровно пять лет,
Маленькой жизни большое событие!
Мягко струится во взорах родителей
Радостью праздничной ласковый свет.
Жизнь, — мы умеем любить и растить ее —
Сыну-товарищу — ровно пять лет!

Лучи, потухая, зажгли небосклон.
Вечер садится, как гость на крылечке.

Ждет мальчик отца. Мечтает о встрече.
Отец не приходит... На фабрике он.
Уходит сынишка, уходит и вечер.
Погасли лучи. Почернел небосклон.

Едва над туманом всплывает рассвет,
Солнечной коннице путь расчищая,
Встанет отец, и улыбка взлетает:
Сыну-товарищу — ровно пять лет.

Славный, пригожий, волосы — лен...
Улыбка отца потерялась в морщинах:
Он ласково гладит спящего сына.
Встряхнулись лучи. Засиял небосклон.

Отец торопясь на работу идет.
А город клокочет, звенит и поет.
Отец озабочен, идет и с собой
Он вслух размышляет:
«Ведь день выходной —
Долой заседанья, в конце же концов,
Сыну-товарищу — пять годов!»

1932

(А. Переспенский)

НОЧЬ

Ты девушкою стройною,
О, ночь, ко мне пришла.
Мигнув зарницей знойною,
Звездами расцвела.

И, шевелясь, туманится
В лесу цветной ковер.
Волною синей тянется
Сквозь дремлющий простор.

Сады шуршат черешнями,
Как белоснежный шелк.
О, ночка, ночка вешняя,
Я в глубь твою ушел.

И пьян весенним бредом я,
И рад я и не рад,
Что к девушкам неведомым
Иду в безмолвный сад.

И с песней, как с сестренкою,
Иду я обнявшись.
И с ясной зорькой звонко я
Беседую в тиши.

Гори же, зорька ранняя,
Буди страну мою!
Боюсь любви нежданной я,
А девушек люблю...

1934

(С. Левман)

ЗАВЯЗКА

Загудел гудок фабричный,
День угас. Станки молчат.
И дорогой непривычной
Я пошла в народный сад.

Вечер был такой хороший,
Разве сердце удержать?
Я пошла. Какой дорожкой?
Не отведать, не сказать.

Подошла я к быстрой речке,
Бледный месяц над водой.
Вижу, вдруг — ко мне навстречу
Вышел парень молодой.

Улыбнулся мне безмолвно,
Задержался у реки.
Я бросала ветви в волны,
Расплывалися круги.

Он спросил меня нежданно:
«Как зовут тебя, скажи?»
Я ответила. Как странно:
Он ведь был совсем чужим.

В страхе девичьем, в смятеньи
Я не знала, что сказать,
Но смотрели из сирени
Темно-синие глаза.

Что сказать и что ответить,
Я не ведала сама.
Мы расстались на рассвете,
Стлался в зарослях туман.

Загудит гудок фабричный,
И станков умолкнет ряд.
Я пойду тропой привычной,
Побегу в народный сад.

1928

(С. Левман)

МЕТЕЛИЦА

Метелица. Стужа.
Снежинки кружит,
Ветер крепчает,
Качает
Ель.
Стужа,
Метелица
Стелется,

ВСТРЕЧА

Над аэродромом блестит бирюза.
Моторы гудят в ожиданьи полета.
Пилоты проходят — стальная гроза.
Разыскивают голубые глаза
Желанного сердцу пилота.

В кустах бы запрятаться и, по лицу
Узнав, закричать, налететь и с налета

(Как некогда, в детстве, в зеленом лесу!)
Повиснуть в руках у него на весу,
В руках молодого пилота.

Ребят набежало — води хоровод!
Кто их, горластых ребят, разберет?
Одна у веселых ребяток забота.
Ребята увидеть хотят самолет,
Она же — увидеть пилота.

На аэродроме желтеет трава,
За аэродромом дымится болото.
Увидела, — кругом пошла голова,
И хочет позвать, — но немеют слова! —
Желанного сердцу пилота.

1935

(О. Колычев)

СМЕРТЬ РЫБАКА

Бунтовало море
Неумолчным гулом,
С гулом на просторе
Волны развернуло.

Видно, как далеко,
У небесной грани
Парус одинокий
Борется с ветрами.

Точно пенной местью
Ярость ветра скачет,
Гонит злые вести
В хижину рыбачью.

Чайки шумным строем
Мечутся навстречу.
Смерть не за горою,
Смерть берет за плечи.

Пленнику на горе
С неумолчным гулом
Море на просторе
Волны развернуло.

Жил рыбак на свете, —
Рыбака не стало.
Злой соленый ветер
Гонит вал за валом...

1927

(А. Переспенский)

ВСТРЕЧА

Над аэродромом блестит бирюза.
Моторы гудят в ожиданьи полета.
Пилоты проходят — стальная гроза.
Разыскивают голубые глаза
Желанного сердцу пилота.

В кустах бы запрятаться и, по лицу
Узнав, закричать, налететь и с налета

(Как некогда, в детстве, в зеленом лесу!)
Повиснуть в руках у него на весу,
В руках молодого пилота.

Ребят набежало — води хоровод!
Кто их, горластых ребят, разберет?
Одна у веселых ребяток забота,
Ребята увидеть хотят самолет,
Она же — увидеть пилота.

На аэродроме желтеет трава,
За аэродромом дымится болото.
Увидела, — кругом пошла голова,
И хочет позвать, — но немеют слова! —
Желанного сердцу пилота.

1935

(О. Колычев)

ВЕЧЕРИНКА

Дочурка, девчинка!
Не в первый ли раз
У нас вечеринка,
Гулянка у нас!

Как топну, как тупну,
Тряхну сединой
В лад громкому бубну
Опушки лесной!

Всех больше, девчонка,
У нас трудодней.
Промчимся же звонко
По жнивьям полей!

Пора нам собраться
На праздник побед!
Тебе — восемнадцать,
Мне — семьдесят лет.

В истлевших лохмотьях,
В коросте я рос.
Я рос, как в болоте
Растет верболоз.

В хлеву или в поле
Бездомный я спал.
Ни хлеба, ни соли
В неволе не знал.

Армяк самотканный
И лыко лаптей.
Пастух безымянный
Дичился людей.

Был гол я как ветлы,
Безмолвен, как пень...

Эх, спляшем за светлый
Сегодняшний день!

За дружбу, за братство,
За солнце побед,
За все восемнадцать
И семьдесят лет.

И если бы в хату
К нам Сталин вошел,
Наш праздник богатый
Пышнее б расцвел.

Я б, верно, заплакал,
Как плачет дитя...
Спасибо за блага,
За радость житья!

Со Сталиным рядом
Я сел бы за стол,
Как с другом, как с братом,
Беседу б завел.

Приветливый, трубку
Он стал бы курить.
Дочурка, голубка,
Как весело жить!

И чарка, и шкварка,
И хата своя.
Ты стала дояркой,
И конюхом я.

Мед кружками, братцы,
Мы пьем в честь побед, —
За все — восемнадцать,
И — семьдесят лет.

1927

(О. Колычев)

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «ТЕНИ НА СОЛНЦЕ»

Как не славить соколиной песней
Беларусь — республику свою!
Родина, тебе, мой край чудесный,
В звонкой песне сердце отдаю.
Расцветаешь ростом горделивым,
Наливаясь силой трудовой,
Полыхаешь пламенем счастливым,
Словно небо
Утренней зарей.

Край родной, простой и величавый!
Страж границ цветущих наших дней!
Стяг твоей борьбы, любви и славы —
Стяг в огне рожденных сыновей!
Солнце, жги, связав узлом горячим.
Космы туч над юностью земли.
Мир пожаром солнечным охвачен,
Вражьи тени
К солнцу подползли...

1927

(С. Левман)

ЖИВИТЕ СПОКОЙНО, НАРОДЫ СОВЕТОВ

За партией поступью твердой
По жизни
Идет молодежь в нашей гордой
Отчизне.

Идет молодежь боевая
Сплоченно,
Ликуя и шелк развевая
Знаменный.

Цветами кивают ей ветки —
    Приманки,
Навстречу несутся танкетки
    И танки.

И облачный слой самолеты
    Взрывают,
И солнце, как диск пулемета,
    Всплывает.

В ночи зарубежной сверкают
    Зарницы,
Хранит молодежь боевая
    Границы.

Течет ее слава, как воды,
    По свету.
Живите спокойно, народы
    Советов!

1933

(М. Тарловский)

ПАРАД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Выезд любимого нами наркома, —
Четкую рысь из Кремлевских ворот —
Салютом торжественным — рокотом грома
Встречает счастливый советский народ.

Слова молодые бойцовской присяги,
Как эхо народа, победой звенят.
Парят пятилеток октябрьские флаги,
Как мужество и как пароль баррикад.

Парад обороны, как родина — юный,
Парад победителей... Флаги парят,
И вот принимает с великой трибуны
Товарищ правительство грозный парад.

Шумит исполинская конница танков,
И скрежет танкеток заполнил простор,
И даже сиянье на авто-тачанках —
Как бы первомайского солнца дозор.

Безудержным шквалом идет молодая
Москва! Боевой нерушимой стеной!
Идет, наступает, и песня взлетает
Над нашей могущественною страной.

В содружестве братском идут карнавалом
На праздник побед большевистской весны
Леса Беларуси, и скалы Урала,
И степь Украины, и степь Ферганы.

1927

(С. Липкин)

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

От слез неуемных и горького пота
Земля разбухала, трясиной гнила.
Сынам белорусского злого болота
Глаза ослепляла столетьями мгла.

Так было. Минуло. В пожаре восстаний
Сгорели года беспросветной нужды,
Ведет нас — республику сил молодых —
Родной наш, любимый наш Сталин.

Вчера мы на топкое золото наше
Вели наступленье ударных бригад,
А нынче разливом пшеничного марша
Поля большевистских колхозов шумят.

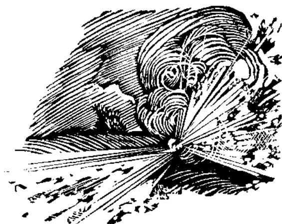
Из дерева — шелк, спирт из торфа мы дали,
Дадим из картофеля каучук.
Упорство, расцвет наш и мощь наших рук —
Родной наш, любимый наш Сталин.

Справляя над гробом прошедшего тризну,
Гремит перекатами славный салют.
Огнями победного социализма
Залит революции нашей маршрут.

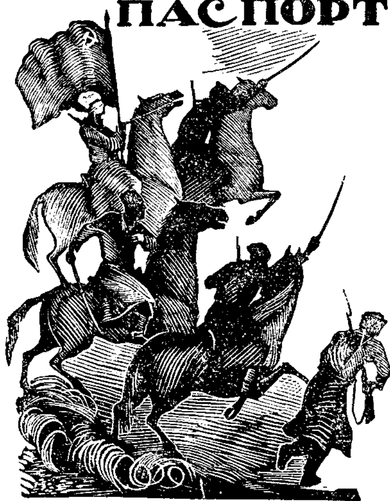
Как волны, что шлют океанские дали,
Бурлит, нарастая, народная мощь.
Веди нас, с тобой мы едины, наш вождь, —
Родной наш, любимый наш Сталин.

1933

(П. Железнов)

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ

ДВАДЦАТЬ

МАТЬ РАССКАЗАЛА...

I

Январь... Шестой год.
Двадцатое столетье.
Водит свой хоровод
Голод на белом свете.

Холодно. Мороз.
Узор на окнах вился.
С горячим сердцем рос,
Хоть в стужу сын родился.

2

Помню тот вечер.
Ветер не выл.
Искали за печкой
«Святой травы».

Молилась хата:
«Великий спас,
Сделай богатым,
В добрый час!»

Тяжко и нервно
Вздрогнул отец.
Кладь непомерна,
Дни как свинец.

Высохли груди,
Хата как склеп.
Добрые люди
Дали на хлеб.

3

Как пресс холодный, горе нажимало
И грудь давило в сумеречном дне.

Ой, нелегко я жизнь прокоротала,
Не раз сушила слезы на огне.
Ведь мной белья простирано немало,
И пролито немало горьких слез.
Вся жизнь отравлена и хлором и крахма-
лом,
О, прòклятая мною седина волос!

4

Долю такую могу пожелать я
Самому злому врагу.
Хотелось бежать мне к товарищам, к братьям
Сквозь темень и злую пургу.
Могла ль я добиться своими руками
И счастье отведать свое наяву?
Ведь знала я только на сердце камень,
Ведь знала я только полынь-траву.
Ой, нелегко мне с прошедшим расстаться
И нелегко о былом рассказать.
Двадцать лет пролетело... Двадцать!

Ресницы ее оросила слеза.

5

Приучался к работе теперь я,
За сапожный уселся верстак.
Я готовился стать подмастерьем,
Шнуровать понемногу я стал.

А на зиму послали учиться...
Приобрел в переплете букварь.
Стала «молнией» мне «бліскавіца»,
И «хозяином» стал «гаспадар».

Веселей материнское сердце:
Как-никак — по дороге идешь.
Вот обулся, успел приодеться,
И в кармане болтается грош.

И другие бывали доходы,
Были дни — звонарем я служил.
С папироской (в ботинках по моде)
На бульвар в воскресенье ходил.

За шарманкою целыми днями
Я бродяжничал иногда

И рассматривал в панораме
За копейку все города.

6

Было время, как погреб, как ссылка!
Мать родимая!
Вспомни те дни.
Ветер ночью и днем
Приносил к нам
И голод,
И страх,
И огни...

*
* *

Я помню:
Июльское утро светило,
Снаряды взрывались,
Как посланцы грома.
А в городе
С неукротимой силой
Поднялся рев
Встающего погрома.
Как росой в редеющем тумане,

Мир покрыт осколками стекла...
Взломан день
Бандитами Познани —
Черной молнией
Их сила пронеслась.
В испуге мать
Перекрестилась кротко,
Задумалась,
С комода хлеб взяла
(Стучали пули
В бешеной чечетке)
И в погреб
Прятаться
Тихонько поползла.
И ночь прошла...
Замолкли пулеметы,
И над пожарищем
Густой не тает чад...
Бегу из погреба!
Вокруг приветствий взлеты:
«Пришли... Советские!
Большевики!
...Парад!»

7

Холодный ветер нес и рассыпал
Метель, окутывая город.
В деревню дальнюю (горели ясно зори)
Рабочей молодежи двинулась толпа.

Деревья под серебряным платком.
Дорога долгая... И стынут дали,
И провода гудят холодным звоном стали,
Река игривая покрыта синим льдом.
Идем. Не знаем, сколько верст вдали,
Когда окончим путь? Навстречу ветер силь-
ный...
Несем менять — кто гвозди, кто будильник.
Надежда теплится. Усталые мы шли.

8

Солнце — оно заглянет в окно,
Постучит и нехотя скажет:
«Настали дни,
Лохмотья свои
Вози
По грязи —
Распродажа!»

В голодный час икону у нас
Для блеска маслицем смажут.
«Снимай христа,
Носи, беднота,
Носи,
Голоси —
Распродажа!»

Сапожник-бедняк походный верстак
Поставит, инструмент развяжет.
«К вечеру что ж?
Без работы — нож!
И одно
Дано:
Распродажа!»

Веселый такой корчмарь молодой
Сегодня невесело скажет:
«Трудно теперь!
Нужно терпеть.
Везу
Козу —
Распродажа!»

Ни сесть и ни стать! Где ж хлеба достать?

Трупом на улице ляжешь.
Ой, голытьба!
Выноси себя,
Себя
Не любя —
Распродажа!

9

Миновали годы, полные печали...
Мы теперь иные — комсомольцы стали.

Стон замолк, и плач затих пьяной голытьбы,
Радость солнцем стелется — стройки и борьбы.

Страна зовет, всех нас зовет и, песнею звеня,
Страна в ряды строителей поставила меня.

Бьет ключом, шипучим бьет, звоном дребезжит,
Великая грядущая цветущая жизнь!

10

Мир былой! Ты свет не застишь!
Грудь открыта — сердце настежь!

Это — радость! Это — подъем
В мире новом: твоем — моем!

Двадцать первая идет весна,
Не одна —
Зазвенит струна!

1926

(М. Светлов)

ИЗ НАРОДНЫХ МЕЛОДИЙ

АПРЕЛЬ

Ринулся лед. Затрещали мосты.
Льдина за льдиной вставала
И падала с грохотом: так с высоты
Приморские рушатся скалы!
Вскипали ручьи синеватым огнем,
В озера слеталися с гулом.
Апрельское солнце горячим ключом
Ворота весны отомкнуло...

1928

(А. Пересленский)

ЛЕГЕНДА

О, тысячелетние ели
И мрамор дворцовых колонн!
Из черных твоих подземелий
В ночи исторгается стон.

Там старый живет воевода
И, ненавистью обуян,
За дерзкое слово «Свобода!»
На дыбе пытает крестьян.

В Сибирь уходили, в туманы,
Чтоб не возвратиться вовек.
Смывали их прах безымянный
Бурливые паводки рек.

Доволен вполне воевода,
И в сейме довольны вполне...
Чем яростней муки народа,
Тем прибылей больше казне...

Как надо сражаться герою,
Сражался Бутрим за народ!
Стоял перед сеймом горою
За вдов, матерей и сирот.

Он в нежное ухо Агаты
Шепнул о любви, не тая...
Но если не хочет богатый,
И сила твоя — не твоя...

«Доставить Агату!» — однажды
Дает воевода приказ.
Ее поцелуев он жаждал,
Он жаждал девических ласк.

Бутрим, опечаленный, замер:
«Не вынести сердцу позор...»
Большими сквозными слезами
Затмился девический взор.

«Бутрима загнать в подземелье!»
Послал воевода людей.
Агату на брачной постели
Уже поджидает злодей.

И слуги связали Бутрима,
И пламень рыданий горюч...
А ветер ревет нестерпимо,
Ни зги не видать из-за туч.

Ведут их... Гремит по округе
Глухими разрядами гром...
Курганом застывшие слуги
Чернеют в просторе степном.

Стоят над курганной вершиной
Две зеленоиглых сосны...
Бутрим и Агата единой
Печальной судьбой сплетены...

1928

(О. Колычев)

ОТКЛИКНИСЬ

Ты откликнись, слово, слову,
Ладом песни говоря.
Золотится
Свет-зарница,
Августовская заря.

Ветра шелестом откликнись,
Лист, листу в моем лесу.
Я в просторах

Жарким взором
Встретил девицу-красу.

Искрой страстною откликнись,
Сердце, сердцу в глубине.
Ненароком
Синеока
Полюбилась крепко мне.

И откликнись, счастье, счастью
Звучной песней торжества.
С ней ликуя,
В бой пойду я —
Свое будущее звать.

1928

(С. Левман)

ХЛЫНЕТ НАМ СЧАСТЬЕ

Осень проснулась, омылась зарею,
Зашелестела листвой золотою.

Только б не знать мне беды и напасти,
Путь я избрала из многих путей.
Хлынет нам счастье,
Счастье нам хлынет,
Хлынет нам счастье
солнечных дней!

Утренней зорьке я кланяюсь в пояс,
Радость рождения в сердце не
скроешь.

Жаркое солнце распахнуто настежь,
Путь я избрала из многих путей.
Хлынет нам счастье,
Счастье нам хлынет,
Хлынет нам счастье
солнечных дней!

Жаркое солнце, сиянием брызни!
Передо мною — преддверие жизни.

Сердце от счастья рвется на части,
Путь я избрала из многих путей.
Хлынет нам счастье,
Счастье нам хлынет,
Хлынет нам счастье
солнечных дней!

1928

(О. Колычев)

Двор гудит переполохом,
Устилают санки мохом,
Каждый бегал,
Ахал,
Охал —
Суматоха, суматоха...

Мишка звонко трубит в рог,
Что лосей уже запрег,
Гуси-лебеди ворота
Открывают живоглоту.
Дятлы хлещут в барабан:
«Едет,
Едет,
Едет
Пан!»
Воробьи играют марш,
«Едет, едет
На киомаш!»[1]
Пан сидит и в ус не дует,
Едет ночь — одну-другую.
Беспрестанно дни и ночи,
Тянут санки что есть мочи,
Через лес и через горы,

---

[1] **Кирмаш** — базар, ярмарка.

Через реки и озера,
Без дорог и без путей
Восемнадцать пар лосей.

Едет пан, а с двух сторон —
Грозный волчий батальон.
Зорко смотрит волчья рать:
«Надо пана охранять!»
Караван стрелою мчится,
Только снег столбом клубится.
Пану все же мало, мало,
Пан усиливает ход...
Зло в лосях забушевало,
Гневно кровь забунтовала:
«Эх, держися, живоглот!»

Как наддали, как рванули,
Санки вмиг перевернули.
Пан за голову схватился,
Словно бочка покатился
С горки
Вниз,
И вниз,
И вниз...
Пана снегом завалило,
Что курган — росла могила.

«Будет помнить, будет знать,
Как чужую кровь сосать!»
А лоси с волками — ходу:
    В лес,
        На волю,
            На свободу!

1934

(М. Исаковский)

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ОСЕНЬ

Жил Янук, из года в год
Горе знал,
На лугах хозяйский скот
Охранял.
Все отдать для кулака
Довелось.
Гложет сердце Янука
Злость.

И ему как будто снится
Странный сон.
Снится, что мгновенной птицей
Взвился он.
Любо крыльям распластаться
В добрый час.
Хочет с правдой повидаться
Хоть бы раз.
Где она стрелой несется?
Где тот путь?
Ты скажи, водитель-солнце,
Добрым будь!

Тени на полях зеленых —
Как шитье.
Правду кличет пастушонок —
Нет ее.
Режет сильными крылами
Неба шелк.
Вольной правды над полями
Не нашел...
Видит — горы думой полны,
Гребни скал,
И, гремя, играют волны —
Пенный вал.
И встает, как пламя ночью,

Гнев-скала.
Правду видит он воочью,—
Здесь жила!

Подошел, и так несмело,
В первый раз,
Правда-мать к нему слетела
Ветром ласк.
С правдой говорил на воле
Он, как сын,
Рассказал, как в чистом поле
Рос один.
Легким соколом взлетала
Сказка-быль,
Улетала, уплывала
За ковыль.
Правда слушала — во взоре
Капли слез.
Сколько парень в жизни горя
Перенес!

Тянутся стеной свинцовой
Облака,
Молодое сердце снова
Жжет тоска.
Слышит правда — бьет по жилам

Сердца стук,
Песня скорби, что сложил он,
Наш пастух.

И сказала правда: «Что ж,
Будет осень,
Ты отыщешь, ты найдешь
Все, что просишь.
Новым светом запоет
Неба просинь.
Не горюй, она придет,
Наша осень!»

И еще сказать хотела...
Из-за рощ
Непогода загудела,
Хлынул дождь.
Правда, где ты?.. Стынут тени.
Правды нет.

. . . .

Где ты, сладостных видений
Дивный свет?..

Возле леса, за увалом,
На лугу,
Брезжит песня светом алым

Януку.
Он мечтает: «Хлынет осень,
Словно шквал...»
Видит, как во сне, утес он,
Гребень скал.
С дымной грезой сердце слито,
Он поет...

А меж тем густое жито
Топчет скот.
Поднялся Янук проворно.
Как же так?
Перед ним, от гнева черный,
Встал кулак.
Янука кулак на землю
Повалил,
Плачу детскому не внемля,
Дико бил.
Бил его рукой проклятой,
Сколько сил.
Изувечив, в двери хаты
Не пустил.
И заката багряница
Стала плыть...
И Янук подполз к кринице
Кровь обмыть.

И закат дорогой ветра
Шел к нему,
И в дыму рукою щедрой
Сеял тьму.

*
**

Горьким от слез водопадом текли,
Летели дни.
Скрежетом камня курганной земли
Летели дни.
Тьма над землей подымалась, как смерч,
Кружились дни.
Мост настилала свинцовая смерть,
Кружились дни.
Пушечным громом округа полна,
Стонали дни.
Свистом крови захлебнулась война,
Стонали дни.
Хлынула буря, и с ней заодно
Восстали дни.
Ленин корабль повел сквозь огни.
Вздрогнуло моря людского дно,
Правды взошло огневое зерно,
Гневом в глазах полыхало оно,
Ярые землю объяли огни —
Восстали дни!

*
* *

И сквозь годы, сквозь радость и заботы,
Сквозь ужас битв, руины и налеты,
Сквозь тьму, тенета диких мук —
Великой правды
Стал творцом Янук.

*
* *

Янук взволнован. Он глядит героем,
Победе завоеванной он рад.
И — словно бабочка — золотоносным роем
Над ним летает смуглый листопад.
И не узнать теперь в нем бедного
подпаска,
Прошли в боях — не год ведь и не два.
Он говорит: «Хвала тебе, закваска,
От нашего колхозного жнитва.

Пожалуй в дом, заквасочная кадка,
Где ни мякины нет, ни лебеды.
Вознаградишь ты радостно и сладко
Колхозников за честные труды!»

И в доме с председательского места,
На кумачевой скатерти кряхтя,

Течет опарой розовое тесто —
Плодотворящей осени дитя.

***

В сердце — зарево огня,
А в глазах — тревога.
Оседлал Янук коня,
Как струна, дорога.

Свищет ветреная мгла,
Свищет в поле сжатом.
Едет парень по делам,
Парень едет в сваты.

Тополь на пути — как страж,
В белый пух одетый,
Если ехать — так когда ж,
Как не в бабье лето?

Коль не выправишь на лад
Дело по-хозяйски,
Ой, не вспомнишь про девчат,
Про девичьи ласки!

Полон зернами сарай,
Отдыхают нивы.

Народному суду
Ответишь ты, злодей народной доли!»

Кругом поля победный гимн поют,
И звуки тянутся к деревне дальней
То ласково, счастливо, то печально.

. . . .

Они идут, вдвоем идут на суд

*
* *

Песни о победной славе
Стали явью дел первичных,
И проходит в этой яви
Наша осень,
Наш Кастрычник [1].

А когда-то мы певали
Столько песен горемычных!
Но пришла из светлой дали
Наша осень,
Наш Кастрычник!

Там, где булькало болото,
Нынче гладь полей пшеничных.

---

[1] Октябрь.

Радость спелой позолоты
Наша осень,
Наш Кастрычник!

И проходит величаво
Средь просторов безграничных
Наша песня,
Наша слава,
Наша осень,
Наш Кастрычник!

1932

(А. Тарковский и А. Штейнберг)

СОДЕРЖАНИЕ

Утро республики

Лирический паспорт

Из народных мелодий

ЧИТАТЕЛЬ!

Сообщите Ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст, профессию, где работаете и адрес,

**Государственному издательству „Художественная литература“
Массовый сектор**

Москва, Центр, ул. 25 Октября (бывш. Никольская), 10/2

Редактор Е. Мозольков
Художник К. Я. Баранов
Технический редактор М. Дементьев
Корректора: Б. Коган и М. Лоренцо

Сдано в набор 28/XII 1935 г.
Подписано к печати 1/IV 1936 г.
Учет.-авт. л. 3,82.
Формат 72×110 1/32 п. л. 3 3/4.

Тираж 5 000
Зак. изд. № 1100. Зак. тип. 1420.
Бумага Акуловского бумкомбината

Инд. Х—60 А46.
Уполномоченный Главлита Б—16970

Тип. Профиздата
Москва, Крутицкий вал, д. 18.

Цена 1 р. 75 к.
Переп. 75 к.